

18+

Сергей Тюленев

БАГАТЕЛИ

Сергей Тюленев

Багатели

«Издательские решения»

Тюленев С.

Багатели / С. Тюленев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509466-7

Книга возвращает нас к почтенным жанрам, басне, «Физиологу» и эпитафии, но использует их, чтобы посмотреть на современный нам мир.

ISBN 978-5-00-509466-7

© Тюленев С.
© Издательские решения

Содержание

Новый Эзоп	6
Общий промифий	6
Истина, Альтернатива и Фейк	7
Басни	8
Книга I	8
Добро и зло	8
Μεναδα	8
Харакс и Родопис	9
Гиацинт, Крез и даже Аполлон	9
Бык и теленок	9
Аргонавты и гадюка	10
Картезианец и абсурд	10
Зов в джунглях	10
Фаринелли	11
Аполлон и почитатели	11
Бах и сыновья	11
Противоречивая басня	11
Интервью у Полибия	12
Журналист и один из его героев	12
Зоолог и навозный жук	12
Стокгольмский синдром	13
Казальс и Растропович	13
Богач и его жены	13
Ружье на стене	14
Дама и дарственные надписи	14
Женоненавистник	15
Заноза	15
Клинки и копьё	15
Аполлон и его песнопения	16
Дурак и гений	16
Гленн Гульд и Моцарт	16
Фома Аквинский	16
Халаты	17
Вопрос о легкости сочинения басен	17
Филипок	17
Астином	17
Погоня за музами	18
Книга II	19
Тюлень	19
Ослица	19
Слизняк и жаворонок	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Багатели

Сергей Тюленев

© Сергей Тюленев, 2020

ISBN 978-5-0050-9466-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Duplex libelli dos est: quod risum movet
Et quod prudenti vitam consilio monet.

Phaedrus

В том ли безумье мое, что вовсе писать не хочу я
Книг, над которыми бровь хмурят седые отцы? <...>
Вы, распустив паруса, дерзайте в открытое море —
Я же в тихом пруду правлю свой малый челнок.

Аноним (пер. М. Гаспарова)

Новый Эзоп О существах и сущностях

Общий промифий

Как написал Лабрюйер в «Характерах», мы пришли на поле мудрых мыслей, когда большая часть их уже пожата нашими предшественниками. Нам остается лишь подбирать колосок там, колосок сям.

Если так было уже во времена Лабрюйера, что можно сказать о нашем времени! Остается только пожалеть тех, кто придет после нас, им останется еще меньше.

Хотя как знать! Жизнь, возможно, противореча Лабрюйеру, потихоньку, исподволь раздвигает границы рабочего поля человечества, например, за счет умножения технических вовлеченностей людей. А заодно, расширяется и сфера человеческих переживаний.

В течение сотен и тысяч лет, после того как Эзоп создал свои басни, после того как их многократно размножили в прозе и в стихах, на разных языках, в прилаженных к разным культурам видах, разобрали на цитаты и пословицы, мало что было добавлено или можно было бы добавить принципиально нового в мире басни. Эзоп ухватил ядро человеческих качеств, которые он вставил, словно картинки – в рамки, в небольшие сценки. Все развитие басни после Эзопа можно рассматривать, с одной стороны, как замену рамок, т.е. раскрытие уже известного в новых культурных и временных обрамлениях, но с другой стороны, все же происходило добавление новых проявлений человеческой природы, вызываемых новыми обстоятельствами, новыми дилеммами, новым опытом. *ы*

На страницах этого небольшого собрания, среди привычных или, по крайней мере, ожидаемых персонажей читатель найдет новые для басен действующие лица и маски, а также новые положения, в которых все эти герои, живые и подражающие им неживые, взаимодействуют и что-то своими поступками (или проступками) демонстрируют нам.

Предлагаемая читателю подборка не претендует на новизну. Скорее, она должна расцениваться, во-первых, как дань уважения памяти Эзопа и, во-вторых, как несовершенная попытка посмотреть на некоторые старые и новые стороны человеческого существования применяя его метод.

Впрочем есть кое-что, чем басни прошлого отличаются от басен настоящего. На это намекает, по обычаю самих басен, следующая притча.

Истина, Альтернатива и Фейк

Истина всегда вела себя как гранд-дама: восседала во главе стола, носила кринолин, никого не подпускала к себе ближе, чем на два-три метра даже в самой плотной толпе.

Долго оставалась неприступной Истина... пока однажды не встретила Альтернативу. Та носила такой же ширины и того же покроя кринолины, хотя и иных, чем у Истины, цветов. Альтернатива казалась Истине странной, ибо любила окружать себя не только поклонниками, но и зеркалами, в которых бесконечно множились ее отражения.

Дамы стали соперницами: ни одна не уступала другой дорогу, ни одна не пропускала другую ни через узкие дверные проемы, ни через широкие ворота, ни одна не уступала другой почетное место, где бы они ни оказывались, ни одна не оставляла за соперницей последнее слово в любом, пусть самом ничтожном разногласии. В итоге, они всегда предпочитали заниматься разные комнаты, когда оказывались в одном здании.

Но если для дам наличие соперницы несколько усложняло жизнь, их обожателям стало свободнее: теперь они могли выбирать, в какой комнате, занятой Истиной или ее визави Альтернативой, им находиться.

Но не долго граница между владениями Истины и Альтернативы оставалась четкой и ясной. Однажды на свет явился мальчик Фейк. Насчет самого его появления мнения сразу же разделились: материнство приписывалось одной из гранд-дам, определить же, какой именно, было невозможно, ведь обе носили кринолин и процесс беременности малышом ускользнул от глаз охочей до таких вещей общественности.

Появившись, Фейк стал бесцеремонно пересекать все и всяческие границы, пренебрегая писанными и неписанными запретами и условностями, он бегал от одной дамы к другой, и кое-кто утверждает, что слышал, как каждую из дам он называл матерью, то ли серьезно, то ли дурачась, будто понимал или по-детски чувствовал нутром, что вносит некое оживление в окружающие женщин толпы. Он играл, забавлялся, откровенно валял дурака, троллил всех и вся, а все вокруг строили догадки и – иной раз – вполне всерьез.

Так с появлением сначала Альтернативы, а потом Фейка Истина была смещена со своей главенствующей позиции. Сначала она раздвоилась, потом размножилась, и наконец наступила эпоха, которую называли пост-Истиной, когда границы между правдивыми и ложными фактами были размыты.

Как басням теперь учить? Как формулировать долженствующие быть однозначными морали-эпимифии? Посмотрим...

Басни

Книга I

Античность и современность

Добро и зло

Со времен приказа Зевса всему доброму приходиться к людям не разом, а в малых дозах, в отличие от всего злого и вредоносного, осаждавшего людей сворами, наподобие злых собак или диких волков, много воды утекло. Люди обустроили свой мир, как обустраивают уютный дом. Вслед за огнем они завладели другими привилегиями небожителей, научились отбиваться от смертельных болезней, хоть и не от всех еще, овладели энергией электричества и атома, начали осваивать даже гипернебесные сферы. Теперь, когда у них что-то не ладилось, они стали пренебрегать просьбами к богам, полагаясь на себя и свои благоприобретенные познания о мире. Так, вопреки воле Зевса, они приблизительно сравнивали количество добра и зла, окружающих их. И во вселенной века теогоний и теомхий между поколениями богов сменились веком теогонии и теомхии по инициативе и по разумению человека.

Эпимифии:

Боги умерли.

Мир – игра в шахматы, где за одним ходом неизбежно следует ход противника, и, даже объявив шах, человек все еще должен опасаться мата.

Μενάδα

Η γλυπταία η ζχενσχινα Ηιρενα ισ Φριγιι ρεσχιλα σтаτ менаδοι. краεμ υχα она σλιχαλα, σχτο менади покλονιαυτσια Διονισу, котори ουυит νиноγραδνιμι λοζαμι, ι, γονιαιας ζα Απολλоном, так как λυβιλι εγο кифару, ραζорнаλι εγο. ι ποσχλα она να ποισки менад ι ιχ Διονισα. υ λεсу она νατкνυλας να σοσνυ, να котороι υисελα κοζχα Μαρσια. Ηιρενα πρινιαλα εε ζα κοζχυ Απολλона ι πουεσιла να σοσεδνει σοσνε σπραва κεφαρυ υ παμιατ οβ Απολλоне, а να σοсνε σлева γροζδ νинограδα υ ζναк ποτοχитανια Διονισа. Ραζυесиυ υсе πο суоеμυ ραζυμενιυ, она ζασχλας υ σοιιχ фриγискиχ ναπευαх, отпсχεγο κοζχα Μαρσια ζακολιχαλας, σχто Ηιρενα ιστοлкουαλα как одобрение Απολλоном еε ποστυлка.

Ο μυθος υισμειυαετ γλυποστ менад, υ суоеμ дionoстyиyссeм βεζυμστυе πρινιμαιυссиχ Μαρσια ζα Απολλона ι οπλαкиυαιυссиχ оστανки περυογο, котороγο υ праυεδном γνευе ραζоруαλ υτοροι, πρινιαυ ιχ ζα оστανки υτορογο, котороγο υ припадке βεζυμστυа ραζоруαλι саμι.¹

¹ Перевод: Менада. Глупая женщина Эйрена из Фригии решила стать менадой. Краем уха она слышала, что менады поклоняются Дионису, который увит виноградными лозами, и, гоняясь за Аполлоном, так как любили его кифару, однажды разорвали его. И пошла она на поиски менад и их Диониса. В лесу она наткнулась на сосну, на которой висела кожа Марсия. Эйрена приняла ее за кожу Аполлона и повесила на соседней сосне справа кифару в память об Аполлоне, а на сосне слева гроздь винограда в знак почитания Диониса. Развесив все по своему разумению, она зашла в своих фригийских песнопениях, отчего кожа Марсия заколыхалась, что Эйрена истолковала как одобрение Аполлоном ее поступка. Басня высмеивает глупость менад, в своем дионийствующем безумстве принимающих Марсия за Аполлона и оплакивающих останки последнего, которого в припадке безумства сами же и разорвали, как останки первого, которого в праведном гневе разорвал этот

P.S. Кстати, говорят, отсюда так появилось выражение «заблудиться в трех соснах».

Харакс и Родопис

Во время своей торговой экспедиции в Египет, влюбившись в красавицу-танцовщицу Родопис, Хараксвыкупил ее из рабства. Событие осталось бы незамеченным и наверняка было бы напрочь забыто, если бы Харакс не был братом Сафо, а Родопис – землячкой Эзопа.

Эпимифии:

История может быть местом не только для великих, но и для тех, кто оказался рядом.

«Что это Сафо вдруг взъелась! Тоже мне блюстительница нравов! Чья бы корова...»

Эзоп, посокрушившись, утешился сочинив басню о скупце, у которого был слиток золота, а он закопал его в землю наподобие простого бульжника.

Гиацинт, Крез и даже Аполлон

Гиацинт красив, его тело совершенно; Крез богат, у него есть все, чего бы ни пожелала его душа. Но Гиацинт завидует независимости, которую дает богатство Крезу, а обрюзглый стареющий Крез завидует юной красоте Гиацинта.

С ними понятно: они всего лишь люди. Но вот Аполлон, и даже его, прекрасного, как солнце, и богатого, как любой бог, даже его, влюбившегося в Гиацинта и – даже – очастливленного взаимностью, страдание не обошло стороной, когда брошенный им диск смертельно ранил Гиацинта.

Эпимифии:

– Того, что имеешь, никогда не достаточно; всегда хочется того, чего у тебя нет, «чтобы достичь совершенства», объясняешь ты сам себе.

Даже когда имеешь все и, кажется, ты совершенен, как бог, душевное равновесие – скорее мечта, чем реальность.

Бык и теленок

Эраст подвизался в поднятии телят. Натренировавшись, он решил попробовать поднять одного из телят, уже выросшего в быка. Собралась немалая толпа, скептически наблюдавшая за попыткой. «Теленок не бык!» смеялись в толпе граждан. Сомневался, честно сказать, и сам Эраст, впрочем недолго, поскольку проходивший мимо старик-метэк, между прочим, тезка Эраста, подбодрил его. —

Эпимифии:

Если ты поднимал теленка, то поднимешь и быка.

Сомнение и скепсис приходят от неопытного наблюдателя, опыт опытного вселяет уверенность.

Аргонавты и гадюка

Уже после того как «Арго» вышел в море, один из аргонавтов обнаружил на борту гадюку. Он попытался убить ее, но она ужалила его, и он умер. Его труп нашел другой член команды и, подойдя ближе, заметил у тела змею. Он попытался убить ее, но тоже был ужален и тоже умер.

...Находя своих мертвых товарищей, умирало все больше и больше аргонавтов. Из девяти человек, отплывших из Греции, оставалось уже только шестьдесят, потом число сократилось до пятидесяти четырех, но и этим дело не кончилось...

Наконец, когда Ясону донесли, что его команда уменьшилась вдвое, он собрал оставшихся в живых аргонавтов и напомнил им, что у них высокая миссия – вернуть в Грецию золотое руно, а не сражаться с гадюками. «Предоставьте гадюкам охотиться на крыс и мышей!» Только благодаря этому была спасена экспедиция аргонавтов.

Эпимифии:

Пусть басня, как и Ясон, напомнит нам о нашем высоком предназначении.

Гадюка же приписала успех миссии «Арго» себе: ведь это она убила глупейших из астронавтов.

Картезианец и абсурд

Не достроив завязавшуюся было и обещавшую быть длинной, как молекула PG5, логическую цепочку, Декарт уснул и увидел сны, в которых логики не было ни грана, потому и пересказывать их – дело неблагодарное. Проснувшись, однако, он истолковал свои сны как вещи, как провозглашение (кем?) его избранным (свершить что?). Декарт, таким образом, стал первым картезианцем, поверившим в свое рациональное учение благодаря иррациональным видениям, даже не заметив парадокса, который должен бы смутить отца европейского рационализма.

Эпимифии:

Мыслю, следовательно, существую.

Верую, ибо абсурдно.

Верую, что мыслю.

Зов в джунглях

Поняв наконец, что заблудились, путешественники стали оглашать криками о спасении окружающие их джунгли. «Прекратите! Мы в джунглях! Глупо объявлять всем в джунглях о своем местонахождении!» – тщетно пытался остановить своих попутчиков Х. «Но, – возражали ему, – разве могут люди не протянуть руку помощи людям?»

Через несколько часов вся группа «благополучно» поджаривалась на вертелах.

Эпимифии:

Прежде чем делать что-то, подумай о возможных последствиях и учти контекст.

Кто мудрее, меньшинство или большинство, показывает исход дела.

Фаринелли

Все восхищались «божественным» Фаринелли. Певцы объявляли себя его учениками, но самое большое, что могли, было лишь чисто внешним подражанием его сценическим манерам и более или менее умелым повторением спетого им репертуара. Дамы непременно хотели зачать от него ребенка, забывая, что он кастрат. Композиторы сочиняли для него оперы, живописцы порывались запечатлеть на полотнах, писатели делали его героем своих произведений. Даже баснописцы, как видим, не стали исключением.

Эпимифий:

Басня напоминает об уникальности гения и бросает вызов эпигонам.

Аполлон и почитатели

Когда Аполлон закончил пение, аккомпанируя себе на кифаре, ему аплодировали все и вся. Но когда его застали в компании с Гиацинтом и Кипарисом, заморализованная толпа почитателей, возмущившись, быстро рассосалась. Остались одни Дионисовы менады. Только тогда Аполлон оценил менад: тех ничем не смутишь! Но, менады, охваченные свойственной им безумной страстью, разорвали его на клочки.

Эпимифии:

Публика – дура. В любом случае.

С кем вы, мастера культуры?

Бах и сыновья

Принято считать, что Бах не думал о земной славе. На самом деле он (мысленно) соперничал с Вивальди, Скарлатти, Корелли и особенно с соотечественником Генделем, так ловко и комфортно пристроившимся в Англии. Но он всегда проигрывал всем им в умении позиционировать себя как первый среди первых. Шло время, и Пауль Барц подытожил отношения Генделя и Баха в вымышленном драматизированном диалоге. ...После того как даже собственные сыновья Баха вдосталь посмеялись над отцом.

Эпимифии:

Не ручей имя ему – море!

Гендель есть Гендель. «Музыка на воде» и т. п. прелесть.

Противоречивая басня

Поэт Y не работал, пока не чувствовал вдохновения (пока не требовал к священной жертве Аполлон); поэт Z писал по принципу *nulla dies sine linea*. Поэт Y оставил всего лишь шесть од, каждую из которых просвещенные потомки признали шедеврами; поэт Z написал больше шестисот од, шедеврами были признаны только семь.

Басне не удастся сформулировать непротиворечивый эпимифий: разница между шестью и семью невелика, всего-то единица (следовательно, прав Y), но эта единица – целый шедевр (значит, прав Z?).

Интервью у Полибия

Когда журналисту N., над глупостью которого все вокруг всегда смеялись и не только за глаза и разве что клочки бумажек как снег на голову не сыпали, предложили взять интервью у д-ра ист. наук Полибия, N., закатив рукава, чтобы доказать, чего он на самом деле стоит, всерьез принялся за дело. Выйдя в интернет, он ничтоже сумняшеся забил в поисковик имя потенциального интервьюируемого. Однако выяснилось, что Полибий уже давно умер.

Эпимифии:

– Неверно думать, что глупость беспредельна, и у нее есть непреодолимые барьеры.

Полибию повезло: он вовремя умер.

Ставят совершенно нереальные задачи!

Журналист и один из его героев

Журналист хвалился, что живет интересной жизнью: встречается со знаменитостями, ньюсмейкерами или другими не менее примечательными людьми. Его собеседник тихо сказал зашедшемуся в восторгах журналисту, что его жизнь интересна не во вторую руку, а в первую, непосредственно: он сам создает источники интереса в своей жизни, а не зависит от интереса, создаваемого кем-либо другим.

Эпимифии:

Море движет собственные воды.

Фонтан бьет, но не своей водой.

Уж лучше фонтан, чем пустыня.

Зоолог и навозный жук

Чтобы изучить навозного жука, зоолог должен был отследить развитие жука из личинки, проследить маршруты его движения, пытаться понять их логику, для чего ему надо было копаться в навозе; ему даже пришлось попробовать навоз на вкус в разных кучах, на которых жили объекты его исследования. Ну, чтобы понять различия и сходства в их консистенции и текстуре. Немало повозившись в навозе, он сам стал как навозный жук, и мало кто решался стоять рядом с ним, так от него несло.

Эпимифии:

Noblesse oblige.

Басня показывает, что, принимаясь за дело, надо понимать, чего оно тебе будет стоить.

Стокгольмский синдром

Уже некоторое время Х проводил нехитрый эксперимент. На тротуаре или в узкой части улицы он принимался обгонять других пешеходов и следил за их реакцией. Во всех случаях обгоняемый, когда понимал, что его обгоняют, притормаживал и уступал дорогу обгоняющему. За все время эксперимента было только одно исключение – ребенок, которого держал за руку начавший было притормаживать взрослый. Ребенок, смотря прямо в лицо Х, попытался не дать себя обогнать, он ускорил шаг и не побежал, словно наперегонки, только потому, что его удержал взрослый.

Эпимифии:

Неписанные правила вежливости, которым неподвластен только еще несоциализированный, предписывают подчиняться и уступать напиранию. «Тут всего шаг до того, чтобы притесняемый начал благодарить притесняющего,» – сделал вывод Х.

Кто-нибудь другой, возможно, будет недоумевать: какая связь между вежливостью и такой аберрацией психики, каковой является Стокгольмский синдром! А ведь возможно, что разница лишь в степени.

Казальс и Растропович

Молодой Растропович пришел к Казальсу, уже маститому мастеру. Казальс выразил желание сыграть для Растроповича. Растропович удивился, обычно старшие коллеги просили играть его. Что ж, он стал слушать. Игра Казальса была странной: он, закрыв глаза, проигрывал фразу и делал долгую паузу, во время которой, уже открыв глаза, внимательно изучал лицо молодого человека. Растропович следил то за движением смычка мастера, то за пальцами левой руки, бегавшими по грифу в быстрых пассажах и, будто задумавшись, прохаживавшимися по струнам на медленных нотах. Сыграв последний аккорд, Казальс встал и, растроганный, крепко пожал Растроповичу руку.

Эпимифии:

«Маэстро, это я должен позжать Вам руку за Вашу игру!»

«Меня вдохновляло Ваше внимание!»

Умение оценить талант другого – не меньший талант.

Богач и его жены

Жил-был богач. Будучи сластолюбцем, он постоянно женился и разводился. Впрочем причиной его разводов было не то, что одна жена ему надоедала и, нуждаясь в жене, он должен был искать новую. Скорее, дело было в том, что мужчиной он был, прямо скажем, средненьким, а вот богатство имел недюжинное, что влекло к нему одну жену за другой. Позволяя ему лакомиться собой, ни одна из жен не упускала возможности отхватить лакомый кус и для себя. Так и прожил он жизнь, образовав вокруг себя круг осчастливленных женщин, которые одарили его незаслуженной им физической любовью.

Эпимифии:

Эпимифий от лица завистливых толкует басню как иллюстрацию дисбаланса в мире: плохие мужчины благодаря незаслуженному богатству обладают красивыми женщинами, незаслуженно купающимися в роскоши.

Эпимифий от лица философов радуется наличию в мире богатства, которое отвлекает глупых богачей и их красоток, а философы получают себе в удел весь остальной космос.

Ружье на стене

Совет Чехова, что всякое ружье на сцене должно обязательно выстрелить, был воспринят эпигонами буквально: если раньше на сцене висели гроздя бесполезных ружей, теперь по едва ли не первой же мизансцене легко можно было предсказать, какое из них и в кого выстрелит и даже кто из действующих лиц нажмет роковой курок. Пьесы больше смотреть уже не нужно было: чтобы понять, что произойдет, достаточно было посмотреть на первую сцену, а то и просто на декорацию. Сюжет, лишенный искусности разработки характеров персонажей, становился полностью предсказуемым, и лекала, по которым он был скроен, едва не выкалывали глаза. Такой сюжет оценивал лишь самый невзыскательный зритель, внимание которого, как у ребенка, в тысячный раз слушающего любимую сказку, держало лишь узнавание уже известного.

Эпимифии:

Топорным следованием советам, даже лучшим из них, эпигон выхолащивает драму, превращая трагедию в ходульную высокопарность, а комедию в промискуитетную пошлость.

Дающий совет в искусстве должен помнить, что посредственность мечется между крайностями, не зная меры и не способная к творчеству.

Дама и дарственные надписи

Одна дама, живо интересовавшаяся искусством, любила, получая в подарок новую книгу или каталог новой выставки, чтобы авторы делали ей дарственные надписи. Однажды так получилось, что свою новую книгу знакомый ей автор должен был послать по почте. Получив ее, дама с замиранием сердца, вскрыла пакет, нетерпеливо разорвала в клочья бумагу, в которую была обернута книга, добралась наконец до книги – к заветному титульному листу...

...но ничего кроме заглавия, имени автора, издательства, года издания и т. п. не нашла. Надписи рукой автора с теплыми словами в ее адрес она не увидела!

Эпимифии:

Басня возвращает нас к известной дилемме: что мы любим – искусство в себе или себя в искусстве?

Эпимифий оправдания сформулировать невозможно: как ни посмотри, а собирать автографы (фокус на личности автора) и дарственные надписи (фокус на личности «тостующего») – все равно что разглядывать рамки вместо картин.

Женоненавистник

Один патриарх страстно боролся против равноправия полов. Он утверждал невозможность этого, исходя из следующих аргументов: во-первых, сама история, дав шанс женщинам в форме матриархата, отвергла власть женщин как несостоятельную и передала первенство мужчинам; во-вторых, мужчины умеют всё, в то время как женщины лишь кое-что. «Как же всё! – возражали ему: – А детей рожать?!» Но и этот контраргумент женоненавистника не смущал: он напоминал собеседнику о Зевсе, породившем Афину.

Эпимифии:

Басня показывает, что если уж упряму что-нибудь втемаяшится в голову, он готов приводить самые фантастические аргументы, но ни за что не уступит.

Возможность догадаться об эпимифии с точки зрения женоненавистника басня представляет самому читателю.

Заноза

Дровосек, рубя очередное дерево, вогнал в руку занозу. Его товарищ, как ни пытался, не мог ее вытащить. Из жалости, пытаясь выразить свое искреннее сочувствие, он погладил товарища по руке, от чего раненный форменным образом взвыл от боли.

Эпимифии:

Иное сочувствие лишь усугубляет боль.

И знаешь, что в случае болезни лучше обратиться к врачу, но так часто холодный врачеватель кажется наименее подходящей кандидатурой для оказания помощи. Но это иллюзия.

Клинки и копья

Еще во времена матриархата в одном племени женщины предпочитали мужчин рослых, крепких, стройных, видных, вооруженных длинными копьями; в другом, совсем неподалеку, женщины предпочитали мужчин коренастых, юрких, на вооружении у которых были короткие клинки, которые, как объяснила бы свое предпочтение любая из женщин этого племени, пусть и коротки, зато всегда у мужчины при себе и «неизменно готовы к бою» (Лисистрата).

Шли века и тысячелетия. Племена дали начало многочисленным народам, которые распространились по земле. Но если женщины сохранили способность любить мужчин с разными типами вооружения, то мужчины оказались более разборчивы, особенно копьеносцы: они предпочитали заниматься своим воинским, мужским, ремеслом с обладающими тем же типом вооружения, что был у них самих, и отвергали клинконосцев.

Эпимифии:

Нередко предпочтения одного определяют существование другого и от решений, принятых в прошлом, зависит настоящее.

Воин, оружие не выбирается, а дается. Никакого другого эпимифия тут не напишешь.

Аполлон и его песнопения

Аполлон искал себе друзей. Но всегда преувеличивал способности кандидатов на звание друга: играл им изысканнейшие и сложнейшие из своих песнопений. Неудивительно, что слушатели начинали зевать или, даже если и дослушивали до конца, больше с ним уже не встречались.

Эпимифии:

Друг не клон. Надо быть терпимее к людям.

Это так, но, настаивает басня, тратить жизнь на меньшее, чего ты достоин, тоже не хочется.

Дурак и гений

Дурак фрустрировал. Но фрустрировал и гений. «тис биос аристос естин;» – задался вопросом Сократ. Поразмышляв, пришел к выводу: ключ – в удовлетворении фрустрации. Дурак искал удовлетворения в физически и физиологически доступном, не находя такового, ложился спать голодным. Гений искал за пределами мира физического и никогда не оставался неудовлетворенным.^{2 2}

Эпимифии:

Вот корень буддизма.

Вот корень земного страдания.

Гленн Гульд и Моцарт

XXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXX

Фома Аквинский

Фома, при всей изощренности своих рассуждений, исходил из не совсем доказанных или совсем не доказанных исходных положений. Неудивительно, что в «Сумме феологии» он никогда не танцует от печки, принимая внушенное ему за истинное и уже не требующее доказательства.

Эпимифии:

«Не во всех вера».

Даже ум умнейших редко обладает достаточной степенью скептицизма, чтобы понять о себе, что он знает только то, что он ничего, в сущности, не знает.

² Чья жизнь лучше?

Халаты

Художник все время покупал новые домашние халаты, но, бросаясь к мольберту, движимый музами, забывал о том, что очередной халат новый и что он непременно испачкает его своими масляными красками. Так всегда и ходил в новых, но испачканных халатах.

Эпимифии:

Басня оправдывает гения, который все время пачкается, творя.

Обыватель находит героя басни банально неряшливым.

Вопрос о легкости сочинения басен

Эзопу задали вопрос: «Легко сочинять басни?» Он ответил: «Нетрудно. Все дело в том, чтобы настроиться на иное, необыденное, восприятие мира. Или, может быть, родиться с ним. Первое возможно при намеренном усилии, тогда нужно следить за естественностью интонации и объективностью отражения вопроса в фокусе. Автор при этом, однако, рискует потерять контроль или впасть в пустое и лицемерное морализаторство. Второе не зависит от автора и является свойством его мышления. Тогда возникнет опасность членовредительства в отношении самого себя, ведь природное баснописание не остановить, как секущую косу».

Нужны ли здесь эпимифии?

Филипок

Филипок слишком буквально принимал к сведению то, что говорили ему учителя: что он должен быть умным, образованным и т. д. В итоге он остался бобылем, потому что все бабы, которых он обихаживал, уже став взрослым, оказывались дурами.

Эпимифии:

Если бы Филипок был реалистом или хотя бы лицемером, ему было бы легче сходитьсь с людьми, благодаря чему его гены, запрограммированные на воспроизведение недюжинного ума, не пропали бы втуне, у нас остались бы его наследники и он внес бы свою лепту в человеческую эуэнику.

Учителя делали только то, что были обязаны; сами они, в сущности, тоже были как те бабы, которых Филипок обихаживал.

Астином

Астином города N. был хороший хозяйственник. «Как похорошел при новом градоначальнике город!» – радовались граждане.

Между тем наступило время перевыборов администрации города, и астином превратился в тирана: под любым предлогом он отказывался дать возможность выдвинуться на пост другим кандидатам.

Граждане восстали, но астином жестко подавил восстание и ввел комендантский час. Похорошевший город похорошел еще больше, ведь теперь на его улицах и агорах никто

не мусорил, никто не бегал, никто не кричал. Город стоял как произведение искусства: красивый, чистый, хоть и пустой.

Эпимифии:

Таким похорошевший город и изобразил Кирико.

«Что вам еще нужно! При мне у вас рай на земле. Зажрались!»

Облагораживание жизни граждан теряет смысл, когда их лишают возможности жить.

Погоня за музами

Трасюмахон обнаружил многочисленность и разнообразность способностей. Он мог сочинять стихи и прозу, рисовать, ваять, танцевать, играть и в комедиях и в трагедиях, и вести хор в песнопениях. Но именно эта многогранность привела его к тому, что он так и не добился настоящего успеха ни на одном из поприщ. Начинает он, бывало, эпическую поэму, ему вдруг приходит в голову мысль о том, что неплохо бы представить наметившийся сюжет как трагедию; начав трагедию, он вдруг ощущал непреодолимое желание написать полотно и изобразить какой-нибудь важный эпизод из истории города, в который пришел, обходя Элладу с целью изучить ее славное прошлое; только он набросал эскиз, как его начинает манить пальчиком Полигимния – он бросается за ней; пока бежит к ней, замечает кокетливую улыбку Талии; разворачивает свиток, чтобы написать комедию, слышит, как в бубен ударяет Терпсихора, ноги сами собой пускаются в пляс; не прекращая танцевать, он бросается за Эвтерпой и Эрато, которые бежали, бежали вместе, но как только он уже готов был схватить их, кинулись врассыпную; Трасюмахон замер в растерянности, в руках у него остались лишь ленточка Эвтерпы и упавший из локонов Эрато розовый бутон.

Эпимифии:

Лучше сосредоточиться на чем-то одном и добиться хоть чего-то, чем стремиться ко всему, но так ничего и не достигнуть.

«Может быть, я не сравнюсь ни с великим поэтом, ни с великим танцором, ни с великим зодчим, зато мне никогда не было скучно.»

Иные призваны не создавать, а лишь удобрять почву ноосферы. Их лептой пренебрегает лишь страдающий гигантоманией и юношеским максимализмом.

Книга II Люди и звери

Тюлень

Тюлень любил крутить на носу разноцветный мяч. Его забавлял сам процесс – смесь технической задачи (удержать на носу все время норовящий соскочить мяч) и развлечения в перерывах между ловлей рыбы. А чем еще было заниматься здесь, в Хаут Бэй! Но вот у него стало получаться, и на него стали обращать внимание гуляющие по набережной туристы. Ему стали аплодировать и бросать рыбу; наконец ему стали прочить цирковую карьеру. Постепенно тюлень стал привыкать к знакам внимания и огорчился, когда его не замечали. В какой-то момент он понял, что пристрастился к желанию славы и утратил чистоту наслаждения, с которым раньше крутил на носу мяч. «Но ведь это просто глупо: я кручу мяч не потому, что мне аплодируют или потому что меня подбадривают, и уж точно не потому, что мне бросают дохлую рыбу, я поймаю рыбу получше сам. Я просто люблю крутить на носу этот мяч!»

Эпимифии:

Басня учит заниматься любимым делом независимо от реакции праздной публики.

Горе тому, у кого единственный стимул заниматься чем-то – похвала и аплодисменты.

Ослица

Ослица была самой обыкновенной, серой – ничего примечательного. Стоять бы ей всю ее жизнь со всеми остальными ослицами, но судьба распорядилась так, что ее перевели в конюшню, к благородным лошадям; перевели ее туда только потому, что там она была ближе к огородам, из которых на скрипучей повозке, в которую ее впрягали, привозили овощи в усадьбу. Ослица же сочла перемещение ее к лошадям знаком отличия ее от других ослов и стала подражать аллюру лошадей, таща повозку с овощами, и пыталась вместо ослиного крика научиться ржать. Но все вокруг все равно относились к ней как ослице. Она старалась быть, если уж и ослицей, то хотя бы «необыкновенной», а ее называли «странной». Она решила, что лошадиная сбруя точно сделает ее неотличимой от лошади. И она потребовала сбрую у своего извозчика, сказав, чтобы для большего сходства он аккуратно свернул ее длинные уши в трубочки наподобие буклей. «Глупая, ты думаешь, что, стоя рядом с лошадью и подражая им во всем, ты и сама стала лошадью?» – лишь воскликнул извозчик.

Эпимифии:

Высмеивая подражателей и эпигонов, басня намекает на то, что между Санчо Пансой и Дон Кихотом разница не меньше, чем между ослом и Росинантом. «Но разве нельзя тебя обвинить в том же, басня? Разве ты не подражаешь басням Эзопа?» И басня согласилась, что критика зачастую может быть направлена против самих же критиков.

Слизняк и жаворонок

Жаворонок не мог дожидаться рассвета, и когда тьму ночи пробили первые лучи еще даже не появившегося из-за горизонта солнца, не позавтракав, пулей взлетел в высь и несмотря

на прохладу воздуха, залился песней, приветствуя солнце. Слизняк, наевшись ночью падали, нашел черную и вонючую дыру и стал залезать в нее, подальше от ненавистного ему света встающего солнца. Не позавтракавший еще жаворонок кинулся было, чтобы проглотить потенциальную добычу, но, увидев, что это слизняк, побрезговал. «Слизняк, и не противно тебе питаться падалью и жить в вонючих дырах?» «Жаворонок, посмотри, я сыт и в тепле, а ты голодный и холодный, но в своем чистоплюйстве не можешь пересилить себя и склевать меня, жирного и сочного! К тому же ты глуп: ведь если есть падаль, кто-то будет питаться и ею; если есть черные и вонючие дыры, кто-то будет жить и в них. Природа боится пустоты. Так устроен мир».

Эпимифии:

Басня пристыжает, с одной стороны, людей, которые жертвуют своей репутацией и своим человеческим обликом в угоду узкому практицизму, с другой же стороны, идеалистов и чистоплюев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.